

Данская Трагедия

by:

ЖАННА ПРОСЕККО

18+

Жанна Просекко

Донская Отрада

<https://litres.ru/74423653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он выиграл её в карты, как вещь. Она поклялась его ненавидеть.

Воронежская губерния, 1859 год. Граф Дмитрий Воронцов — порочный, циничный, с тёмным прошлым — привозит в роскошное имение Воронцовка непокорную крепостную Алену. Дочь дворянина и крестьянки, она начитанна, горда и не сгибается ни перед угрозами, ни перед ласками.

Между ними вспыхивает страсть, замешанная на ненависти и запретном желании. Каждая их встреча — поединок, каждый поцелуй — ожог. Их тянет друг к другу с безумной силой, но за каждым прикосновением — пропасть.

Но в игру вступает третий — благородный князь Левашов, готовый выкупить Алену и жениться на ней. И у него — фамильная тайна, способная уничтожить всех троих.

Пока помещики шепчутся об отмене крепостного права, в Воронцовке плетутся интриги, вспыхивает ревность и разгорается огонь, который не погасить ни молитвой, ни кровью.

От ненависти до любви — один шаг. И он может стать последним.

Содержание

Глава 1. Выигрыш	4
Глава 2. Привоз в Воронцовку	12
Глава 3. Князь Левашов	23
Глава 4. Управляющий	35
Глава 5. Первая трещина	45
Глава 6. Выбор	61
Глава 7. Цена спасения	74
Глава 8. Тень Петербурга	82
Глава 9. Кровь	91
Глава 10. Разговор с губернатором	99
Глава 11. То, что он знал	107
Глава 12. Признание	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Жанна Просекко

Донская Отрада

Глава 1. Выигрыш

Душный июльский вечер лип к телу, как мокрый шёлк.

В доме соседа-помещика пахло дешёвым табаком, кислым вином и мужским потом. Свечи в тяжёлых канделябрах чадили, и их дрожащий свет выхватывал из полумрака то багровое лицо хозяина, то блестящие от азарта глаза игроков, то груды смятых ассигнаций и золотых монет, сдвинутых на середину стола.

Граф Дмитрий Воронцов полулежал в кресле, небрежно перекинув руку через спинку. Ворот его рубашки был растёгнут, волосы в беспорядке, но даже в этом пьяном угаре он выглядел так, что любая женщина, войди она сюда, забыла бы обо всех остальных мужчинах. Высокий, с резкими чертами лица, с ленивой, опасной грацией сытого хищника. В его светло-серых глазах не было ни азарта, ни веселья — только скука. Та самая глубокая, застарелая скука, которая толкает людей на безумства.

— Вам скучно, граф, — хохотнул хозяин, помещик Зарубин, вытирая пот со лба. — Ставки не радуют?

— Меня давно ничто не радует, — ответил Дмитрий, лениво тасуя карты. — Ни ставки, ни вино, ни ваши разговоры.

Зарубин обиженно засопел, но возразить не решился. С Воронцовым шутки плохи: за ним тянулась слава дуэлянта и человека, способного на всё.

Игра шла вяло. Дмитрий выигрывал без интереса, проигрывал без досады. Сосед, всё больше пьянея, сыпал глупостями, хвастался новыми приобретениями — то лошадьми, то крепостными. Дмитрий не слушал. Его мысли были далеко, в Петербурге, где осталась жизнь, которую он сам себе разрушил.

Но вдруг одно слово выдернуло его из забытья.

— ...а девка-то какая! — разглагольствовал Зарубин. — Дочь дворянина и дворовой. Говорю вам, кровь сказывается. Гордячка, стерва, но красивая — сил нет. Я её из милости держу, а она, представьте, мне дерзит! Вчера при всех посмела сказать, что я «недостоин её отца». Каково?

Дмитрий медленно поднял глаза.

— И где же она?

— Здесь, — Зарубин махнул рукой. — В людской. Завтра выпорю. Буду учить смирению.

— Покажите, — произнёс Дмитрий, и в его голосе впервые за вечер появилась жизнь.

Алену привели через несколько минут.

Она вошла босая, в грубом сарафане, с распущенными тёмными волосами. Её запястья были перехвачены верёвкой — видно, чтобы не сопротивлялась. Но она держала голову так высоко, будто это не её привели как рабыню, а она сама вышла к гостям, оказав им милость.

Дмитрий взглянул в её лицо и вдруг почувствовал, как что-то в груди сжалось. Нет, не от красоты — к красоте он привык. От ненависти, горевшей в её тёмных глазах. Такой ненависти он не видел уже много лет. Она была как удар хлыста — острая, очищающая, живая.

— Вот она, ваше сиятельство, — Зарубин подтолкнул Алену вперёд. — Полюбуйтесь.

Дмитрий поднялся. Медленно, не сводя с неё глаз, подошёл ближе. Алена не отступила. Она смотрела на него снизу вверх, и в этом взгляде не было ни страха, ни мольбы. Только презрение.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Алена, — ответила она, и голос её прозвучал низко, с лёгкой хрипотцой.

— Алена, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Красиво.

— Не для вас, барин, — отрезала она.

Зарубин замахнулся, но Дмитрий перехватил его руку.

— Не трогайте, — произнёс он, не глядя на соседа. — Она моя.

В комнате повисла тишина. Все, кто был за столом, замерли. Алена наконец отвела взгляд — но не от страха, а от неожиданности.

— Ваша? — переспросил Зарубин. — Как это?

— Сыграем, — Дмитрий достал из кармана пачку ассигнаций и бросил на стол. — Ставка — она. Против всего этого.

Зарубин колебался. Деньги были большие, очень большие. Но и девка была особенная. Он сам положил на неё глаз, хоть и не признавался вслух.

— Идёт, — сказал он наконец.

Карты легли на стол. Свечи дрогнули от сквозняка. Дмитрий играл спокойно, почти лениво, но внутри него всё кипело. Он не сводил глаз с Алёны, а она стояла, глядя прямо перед собой, и только побелевшие пальцы, сжатые в кулаки, выдавали её напряжение.

Последняя карта. Дмитрий вскрыл.

— Моя, — произнёс он.

Зарубин выругался. Алёна не шевельнулась. Только ресницы её дрогнули.

Дмитрий поднялся и, не глядя на проигравшего, взял Алёну за подбородок, заставляя поднять лицо.

— Смотри на меня, — тихо приказал он.

Она подняла глаза. В них было всё та же ненависть. Но теперь к ней примешалось что-то ещё — страх, который она изо всех сил старалась скрыть.

— Ты поедешь со мной в Воронцовку, — сказал Дмитрий.
— И там мы узнаем, кто из нас кого сломает.

Алена ничего не ответила. Она стояла, глядя ему в глаза, и Дмитрий вдруг понял, что впервые за долгое время чувствует азарт. Настоящий, жгучий, как огонь.

Он отпустил её и повернулся к Зарубину.

— Велите снять с неё верёвки. И распорядитесь, чтобы приготовили экипаж.

— Но, ваше сиятельство... — начал было сосед.

— Вы слышали, — оборвал Дмитрий. — Она больше не ваша.

Зарубин заткнулся. Алена молчала, но её руки, освобождённые от верёвок, дрожали.

Когда Дмитрий вышел на крыльцо, ночная духота ударила в лицо, как влажная тряпка. Он вдохнул полной грудью и услышал за спиной её шаги.

— Думаете, я вам благодарна? — раздался её голос.

Он обернулся. Алена стояла в двух шагах, и в глазах её горел тот же огонь, что и в зале.

— Мне всё равно, — ответил он. — Ты моя. А благодарность я из тебя выбую, если понадобится.

— Попробуйте, — прошептала она.

И в этот момент Дмитрий, сам не зная зачем, сделал шаг к ней. Она не отступила. Он протянул руку и коснулся её волос — грубых, но мягких, как лён.

— Почему ты не боишься? — спросил он.

— Потому что уже мертва, — ответила она. — А мёртвых не страшно.

Он смотрел на неё, и где-то глубоко внутри, под слоем цинизма и скуки, впервые за много лет шевельнулось что-то

живое. Он не знал, что это. Но знал одно: эта женщина не даст ему спокойной жизни.

— Посмотрим, — сказал он. — Посмотрим.

И, развернувшись, направился к экипажу. Она пошла следом, не оглядываясь на дом, где её только что проиграли.

Уже в карете, когда лошади тронулись, Дмитрий вытащил из кармана платок и, не глядя, протянул ей.

— Вытри лицо, — бросил он. — Ты похожа на мученицу.

Алена оттолкнула его руку.

— А вы — на палача.

Он усмехнулся.

— Значит, мы отлично подходим друг другу.

Карета катила по тёмной дороге, впереди был его дом. А вместе с ним — война, которая только начиналась.

Глава 2. Привоз в Воронцовку

Дорога до Воронцовки заняла чуть больше часа, но Алене он показался вечностью.

Она сидела в углу кареты, вжавшись в кожаное сиденье, и смотрела в окно. Мимо проплывали тёмные поля, сёла, спящие под душной июльской ночью, редкие огни в крестьянских избах. Граф молчал. Только раз он пошевелился, достал фляжку, сделал глоток и снова убрал. Алена не смотрела на него. Она чувствовала его присутствие каждой клеткой тела — тяжёлое, давящее, невыносимое.

Когда экипаж наконец остановился, она не сразу поняла, что они приехали. Вокруг было так темно, что только огромный чёрный силуэт дома вырисовывался на фоне неба. В окнах горели редкие свечи, и от этого Воронцовка казалась не жилым домом, а склепом.

— Приехали, — сказал Дмитрий, не глядя на неё. — Выходи.

Алена не пошевелилась. Тогда он сам открыл дверцу и подал ей руку. Она снова её не приняла. Спрыгнула на землю, ощутив босыми ногами прохладу гравия, и замерла, подняв

голову к дому.

— Это теперь мой дом? — спросила она, и в голосе её прозвучала не то насмешка, не то горечь.

— Твой, — ответил Дмитрий. — Только не воображай, что ты здесь хозяйка.

— Я ничего не воображаю, барин. Я знаю своё место.

Он промолчал. Взял её за локоть — крепко, но без боли — и повёл к крыльцу.

Внутри было душно, несмотря на открытые окна. Пахло деревом, воском, старыми коврами и чем-то ещё, едва уловимым, — табаком, которым пропитались шторы. Слуги встретили их молча, с поклонами, но Алена ловила на себе их взгляды. Кто-то смотрел с жалостью, кто-то с любопытством, а кто-то — с презрением. Она шла, выпрямив спину, не опуская глаз.

Её привели в комнату на втором этаже. Небольшую, но чистую. Узкая кровать, сундук, стол с кувшином и тазом, окно, выходящее в сад. Дверь в конце коридора, как она успела заметить, вела в хозяйскую спальню.

— Будешь жить здесь, — сказал Дмитрий, останавливаясь на пороге. — Умывайся, переодевайся. Платье найдёшь в сундуке.

Алена обернулась и посмотрела на него.

— Что я должна делать? — спросила она.

— Ничего. Пока.

— Зачем тогда я здесь?

— Затем, что я так хочу, — ответил он. — Тебе не кажется, что это достаточно?

— Я не вещь, барин.

— Ты — моя вещь, — он сделал шаг к ней, и голос его стал ниже. — Ты выиграна. Куплена. Принадлежишь мне. Чем быстрее ты это поймёшь, тем легче тебе будет.

Алена не отступила. Она смотрела ему в глаза, и в её взгляде не было ни покорности, ни слёз. Только холод.

— Вы можете владеть моим телом, — произнесла она. — Но не душой. Душа — она Божья. И вам до неё не дотянуть-

ся.

Дмитрий усмехнулся. Но усмешка вышла невесёлой.

— Душа... — повторил он. — Ты ещё веришь в Бога?

— А вы, барин, уже нет?

Он ничего не ответил. Резко развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Алена осталась одна. Села на край кровати, обхватила себя руками. Её трясло. Но не от холода — от ненависти, которая кипела внутри, как смола. Она не знала, сколько просидела так. Свеча на столе догорела, и комната погрузилась в темноту. За окном стрекотали цикады, и где-то далеко пели пьяные мужики, возвращавшиеся с покоса.

Утром её разбудил стук в дверь.

— Вставай, — раздался женский голос. — Барин велел подать тебе завтрак.

Алена поднялась, подошла к сундуку. В нём лежали два платья — одно простое, серое, из грубой шерсти, другое — нарядное, из тёмно-синего муслина, но явно с чужого плеча.

Алена выбрала серое. Не хотела быть благодарной.

Умылась. Заплела волосы в тугую косу. Спустилась вниз.

В столовой было пусто. Только на дальнем конце длинного стола стоял поднос с остывшей кашей и ломоть хлеба. Алена села, но есть не стала. Её тошнило от одного вида еды.

Вскоре в дверях появился Дмитрий. Он был одет по-домашнему: белая рубашка, расстёгнутая у ворота, тёмные брюки, сапоги. Волосы влажные после умывания. Он выглядел так, будто спал не больше часа, но при этом был пугающе свеж.

— Не ешь? — спросил он, кивнув на поднос.

— Не хочу.

— Зря. Силы тебе понадобятся.

Она подняла на него глаза.

— Для чего?

— Для жизни здесь, — ответил он. — Для работы. Для меня.

Алена сжала ложку так, что костяшки побелели.

— Вы хотите, чтобы я прислуживала вам? — спросила она.

— Нет. Я хочу, чтобы ты была рядом. Сидела со мной за столом, говорила со мной, смотрела на меня. Этого достаточно.

— Я вам не игрушка.

— Нет, — согласился он, садясь напротив. — Игрушки мне быстро надоедают. Ты — другое.

— Что же?

— Загадка, — он откинулся на спинку стула и окинул её медленным, тягучим взглядом. — Откуда в крепостной девке столько гордости? Ты образованна, ты читаешь, ты говоришь как барышня. Кто тебя учил?

Алена молчала.

— Отвечай, — потребовал он.

— Отец, — тихо сказала она. — Мой отец.

— Тот самый, что обедневший дворянин?

— Да.

— И где он теперь?

— Умер.

Дмитрий замолчал. Лицо его стало серьёзным.

— Поэтому ты ненавидишь нас, — сказал он. — Дворян. Ты считаешь, что мы виноваты в его смерти.

— Я никого не виню, барин. Я просто знаю, что вы все — пустые.

— А я? — он подался вперёд. — Я тоже пустой?

— Вы, — она посмотрела ему прямо в глаза, — самый пустой из всех.

Он вдруг рассмеялся. Коротко, зло.

— Знаешь, — сказал он, — я почти поверил, что ты меня

не боишься.

— Я не боюсь, — ответила она.

— Зря, — он встал и обошёл стол. Остановился за её спиной. Алена почувствовала его близость — жар его тела, запах мыла и табака. — Страх — это то, что делает человека живым. А ты говоришь, что уже мертва. Значит, тебя нечем задеть.

Она не оборачивалась.

— Верно, — сказала она. — Вам нечем меня задеть.

Он положил руки ей на плечи. Медленно, невесомо. Алена вздрогнула, но не сбросила их.

— Это мы ещё посмотрим, — прошептал он ей на ухо, и его дыхание обожгло ей шею. — Посмотрим.

Вечером он снова пришёл к ней в комнату.

Алена стояла у окна, глядя в темноту. Она слышала, как он вошёл, как закрыл дверь, как подошёл ближе. Не обернулась.

— Я говорил, что тебе нечего здесь бояться, — произнёс он. — Я не трону тебя. Пока.

— Почему? — спросила она.

— Потому что хочу, чтобы ты пришла сама.

Она обернулась. Он стоял в двух шагах, и в его светлых глазах горел тот самый огонь, который она видела вчера, когда он выиграл её. Огонь азарта. Желания. И чего-то ещё — тёмного, страшного, чего она не могла понять.

— Этого не будет, — сказала она.

— Будет, — ответил он. — Потому что ненависть, Алена, — это та же страсть. Просто перевёрнутая.

Он подошёл ближе. Теперь их разделяло всего несколько сантиметров. Алена не отступила.

— Я ненавижу вас, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил он. — И это только начало.

Он наклонился, и на мгновение ей показалось, что он её поцелует. Но в последний момент он остановился, усмехнул-

ся и отстранился.

— Сладких снов, Алена, — сказал он и вышел, оставив её одну с бешено бьющимся сердцем.

Она стояла, прижав руку к груди, и не могла понять, что с ней. Страх? Ненависть? Или что-то третье, чему она не знала названия.

За окном пели цикады. В доме было тихо. И только из его спальни, через стену, доносился едва слышный звук — как будто он играл на фортепиано. Одинокий, печальный мотив, который почему-то застрял у неё в голове до самого утра.

Утром, когда Алена спустилась вниз, она увидела, что у крыльца стоит незнакомая коляска. В гостиной, спиной к ней, стоял высокий мужчина в дорогом сюртуке. Услышав шаги, он обернулся, и Алена замерла.

— Князь Владимир Левашов, — представился он, целуя ей руку так, будто она была графиней. — А вы, должно быть, та самая Алена. Мне о вас уже рассказали.

И в его глазах, тёплых, как июльский мёд, мелькнуло нечто такое, отчего у Алены перехватило дыхание.

Она ещё не знала, что этот человек изменит всё.

Глава 3. Князь Левашов

Князь Владимир Левашов был не просто красив — он был из тех мужчин, при виде которых у женщин невольно выпрямляется спина и хочется поправить волосы. Высокий, широкоплечий, с тёплым, почти янтарным взглядом и лёгкой улыбкой, которая появлялась на его губах так, будто он всегда знал о тебе что-то хорошее. Одет он был безупречно: светло-серый сюртук, шейный платок с серебряной булавкой, лаковые сапоги. От него пахло хорошим табаком, кожей и дорогой водой — тем запахом, по которому сразу узнаёшь человека из высшего света.

Алена замерла на пороге, чувствуя, как её босые ноги вдруг стали чужими, как будто она забыла, как ходить. Князь смотрел на неё с интересом, но без наглости. В его взгляде не было ни похоти, ни презрения — только любопытство. И это сбило её с толку сильнее, чем любая грубость.

— Князь, — раздался сзади холодный голос Дмитрия. — Вы ранний гость.

Владимир обернулся к нему, не переставая улыбаться.

— Простите, граф, за вторжение. Дорога из моего имения

заняла меньше времени, чем я ожидал. Решил не ждать полудня.

Дмитрий вошёл в гостиную, не глядя на Алену. Он был уже одет для дня: тёмно-зелёный сюртук, высокие сапоги, волосы собраны в хвост. Вид у него был такой, будто он только что вышел с утренней прогулки, хотя Алена знала: ночью он не спал. Она слышала его шаги за стеной.

— Что вас привело? — спросил Дмитрий, садясь в кресло и жестом предлагая гостю сесть.

Князь сел. Алена осталась стоять, не зная, куда деваться. Она чувствовала себя неловко, но уйти без разрешения не смела — не потому, что боялась Дмитрия, а потому что не хотела показывать слабость.

— Я слышал, вы вчера выиграли в карты девушку, — произнёс Владимир. Голос его был спокоен, но в нём слышалось что-то напряжённое. — У Зарубина.

— Слухи быстро летают.

— В наших краях иначе не бывает. Стоит одному помещику чихнуть, как за три версты уже крестятся.

Дмитрий хмыкнул.

— И что же вас заинтересовало, князь? Судьба выигранной крепостной?

— Её судьба, — Владимир наконец перевёл взгляд на Алену, и в его тёплых глазах мелькнуло что-то острое, — меня волнует больше, чем вы можете себе представить.

Алена почувствовала, как по спине пробежал холодок. Этот человек смотрел на неё не как на крепостную. Он смотрел так, как смотрят на женщину, которую хотят защитить. И это было так неожиданно, так странно, что она не знала, что с этим делать.

— Не понимаю, — сухо сказал Дмитрий. — Она моя. О чём тут говорить?

— Я хочу её выкупить, — произнёс Владимир.

В комнате повисла тишина. Алена слышала, как за окном громко стрекочут цикады, как где-то в глубине дома гремит посудой прислуга. Она смотрела на Дмитрия и видела, как его лицо медленно каменеет.

— Выкупить? — переспросил он, и в его голосе зазвенел

лёд.

— Да. Любую цену назовёте — заплачу.

— Зачем?

— Хочу дать ей свободу.

Дмитрий рассмеялся. Резко, зло, как будто услышал непристойную шутку.

— Свободу, — повторил он. — Князь, вы романтик. Думаете, если дать крепостной вольную, она тут же станет счастливой? Думаете, она бросится вам на шею с благодарностью?

— Я не жду благодарности, — ответил Владимир спокойно. — Я просто хочу, чтобы она была свободна.

— Она моя, — отрезал Дмитрий, поднимаясь. — И останется моей. А теперь, если вы закончили...

— Я не закончил, — Владимир тоже встал. — Вы сами знаете, граф, что рано или поздно вам придётся её отпустить. Император уже подписал указ о начале реформы. Через год-два крепостного права не будет. Что вы будете делать с ней

тогда?

— Я решу, что с ней делать.

— А если она сама захочет уйти?

Дмитрий не ответил. Он смотрел на Владимира, и в его светло-серых глазах разгоралось то самое пламя, которое Алена уже видела — опасное, тёмное, готовое всё сжечь.

— Она не захочет, — процедил он. — Я об этом позабочусь.

— Вот как, — Владимир прищурился. — И как же? Попытками? Силой?

— Это не ваше дело, князь.

— Ошибаетесь. Теперь — моё.

Алена, всё это время стоявшая неподвижно, вдруг сделала шаг вперёд.

— Прекратите, — произнесла она, и оба мужчины обернулись к ней. — Я не вещь, которую можно делить. И не лошадь на ярмарке, чтобы торговаться. Если хотите знать, что

я думаю, — я не хочу ни от кого из вас ни свободы, ни заботы. Я сама решу, что мне делать.

Владимир смотрел на неё с лёгким удивлением, но в его глазах было уважение. Дмитрий — с той самой усмешкой, от которой у неё всё переворачивалось внутри.

— Вот, — сказал он тихо, не сводя с неё глаз. — Слышали, князь? Она сама решит. А пока что — она останется здесь.

Владимир помолчал. Потом кивнул.

— Хорошо, — произнёс он. — Я не настаиваю. Но знайте: если вам понадобится помощь, — он посмотрел на Алену, — вы всегда можете на меня рассчитывать. Я бываю в здешних краях часто. И я не бросаю тех, кто в беде.

Он поклонился, взял перчатки и направился к выходу. У двери обернулся.

— И ещё, граф. Зарубин — мой старый должник. Он рассказал мне, что Алена — дочь его покойного друга. Если вы тронете её хоть пальцем, я вызову вас.

— Вы мне угрожаете? — спросил Дмитрий, не повышая голоса.

— Нет, — ответил Владимир. — Предупреждаю.

И вышел.

В гостиной снова стало тихо. Алена стояла, не в силах пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле. Дмитрий не смотрел на неё. Он смотрел на дверь, за которой скрылся князь, и лицо его было таким, каким Алена его ещё не видела: не злым, не циничным, а почти растерянным. Будто этот визит выбил его из колеи сильнее, чем он хотел показать.

— Что ж, — произнёс он наконец, не оборачиваясь, — у тебя появился защитник.

— Я не просила.

— Это ещё хуже.

Он повернулся к ней. Подошёл медленно, встал напротив. Алена не отступила.

— Скажи, — тихо сказал он, — он тебе понравился?

— Он вежливый. Это не значит, что он мне нравится.

— А что значит?

— Ничего.

Дмитрий вглядывался в её лицо, как будто искал в нём ответ.

— Ты не уйдёшь с ним, — произнёс он. — Я не позволю.

— Вы не можете мне запретить, — ответила она. — Вы можете только запереть меня. Но тогда я возненавижу вас ещё сильнее.

Он усмехнулся, но как-то устало.

— Ненавидь, — сказал он. — Ненависть — это уже чувство. А чувство — это уже не пустота.

Он развернулся и вышел из гостиной, оставив её одну. Алена стояла, прижав руку к груди, и не знала, что её мучает больше: его слова или то, как дрогнул её голос, когда она говорила, что он не может запретить ей уйти.

Весь день она провела как в тумане. Помогала на кухне, перебирала ягоды в саду, слушала разговоры дворовых. Ей рассказали, что князь Левашов недавно вернулся из Петер-

бурга, что он богат, не женат и слы́вет человеком чести. Что у него большое имение по соседству, и что крестьяне его любят. А ещё — что граф Воронцов не любит гостей, и что за последний год к нему никто не приезжал. Кроме Зарубина. И сегодняшнего князя.

Вечером, когда стемнело, Алена вышла в сад. Ноги сами вывели её к старой беседке, заросшей диким виноградом. Там было тихо и душно. Она села на скамью и закрыла глаза.

И вдруг услышала шаги.

— Это я, — раздался голос Дмитрия.

Она открыла глаза. Он стоял на пороге беседки, скрестив руки на груди. В полумраке его лицо казалось вырезанным из камня.

— Зачем вы пришли? — спросила она.

— Проверить, не сбежала ли ты.

— Я не сбегу.

— Знаю.

Он прошёл и сел рядом. Ближе, чем следовало. Алена почувствовала исходящий от него запах — вина, табака и чего-то ещё, горьковатого, как миндаль.

— Почему ты не боишься меня? — спросил он вдруг.

— Я уже говорила.

— Ты говорила, что мертва. Но это неправда. Ты живая. Очень живая. И именно поэтому не боишься.

Она повернулась к нему. Их лица оказались совсем рядом.

— А вы, барин, почему боитесь меня? — спросила она шёпотом.

Он замер. В его глазах промелькнуло что-то, похожее на боль.

— Я не боюсь, — ответил он. — Я просто не знаю, что с тобой делать.

— Отпустите.

— Не могу.

— Почему?

Он не ответил. Вместо этого поднял руку и провёл кончиками пальцев по её щеке. Алена вздрогнула, но не отстранилась. Его пальцы были тёплыми, и это прикосновение обожгло сильнее, чем она ожидала.

— Потому что ты — первая, — произнёс он, — кто заставил меня снова что-то чувствовать.

Он встал и вышел из беседки, не оборачиваясь. Алена осталась сидеть, прижимая ладонь к щеке, на которой всё ещё горел след его пальцев.

Поздно ночью, когда она уже лежала в постели, в дверь её комнаты постучали. Не так, как стучал он — властно, требовательно. Этот стук был тихим, почти умоляющим.

Алена поднялась, подошла к двери.

— Кто здесь? — спросила она.

— Это я, — раздался из-за двери голос. — Иван Прокофьевич. Управляющий. Открой, дело важное. Касается тебя. И графа.

Она помедлила. Потом приоткрыла дверь.

На пороге стоял управляющий — невысокий, с бегающими глазами и сальной улыбкой. В руках он держал свечу.

— Чего вам? — спросила Алена.

— Разговор есть, — прошептал он. — Тайный. Ты, главное, не кричи. Я хочу тебе помочь.

И он переступил порог, не дожидаясь приглашения.

Глава 4. Управляющий

Иван Прокофьевич вошёл, и в комнате сразу стало тесно.

Он был невысок, но широк в кости, с крепкими плечами и короткой шеей, которая переходила в круглый, как тыква, затылок. Его сюртук из тёмно-серого сукна лоснился на локтях, а сапоги, хоть и чищенные, были стоптаны набок. Он держал свечу в руке, и пламя дрожало, бросая на его лицо неровные тени. Маленькие глазки, окружённые сетью морщин, бегали — то по стенам, то по Алене, то по двери, которую он предусмотрительно прикрыл.

— Чего вам? — повторила Алена, отступая на шаг.

— Тише, барышня, тише, — зашептал он, ставя свечу на стол. — Я же сказал — помочь пришёл. Ты не думай, я не враг.

— Вы управляющий графа. Какой же вы мне друг?

Он усмехнулся, и усмешка вышла кривой, как трещина на глиняном горшке.

— Управляющий — да. А друг — это кто как. Я, может,

и графа не больно-то жалую. И его — тоже.

Алена молчала. Она не понимала, чего от него ждать, и это было хуже всего. С Дмитрием было ясно: он хотел её тело и, может быть, что-то ещё, чего она не могла разгадать. А этот — был как болото: вроде тихо, а под каждым шагом — трясина.

— Сядь, — сказал Иван Прокофьевич, кивая на кровать. — Разговор долгий.

— Я постою.

— Как хочешь.

Он отошёл к окну, приоткрыл ставню и выглянул в темноту. Потом повернулся.

— Ты, Алена, девка умная. Сама видишь, что тут к чему. Граф твой — человек лихой, но не хозяин. Он в Воронцовке живёт год, а толку — ноль. Долги, карты, бабы. Скоро его имение с молотка пойдёт. А мне что делать? Я тут двадцать лет управляющим. При отце его был, при деде. Я эту землю знаю лучше, чем он свою спальню.

— Мне-то что с того? — спросила Алена.

— А то, что я тебе помочь могу. И ты мне.

Он снова подошёл ближе. Слишком близко. Алена почувствовала запах лука и перегара, смешанный с чем-то кислым — потом или старой одеждой.

— Граф тебя не отпустит. Ты это знаешь. И князь твой не поможет — не по чину ему с Воронцовым тягаться. А вот я могу.

— Как?

— Вольную достану. Через канцелярию. Подделаю бумаги — никто не отличит. И выведу тебя отсюда так, что никто не хватится. Только ты мне за это заплатишь.

Алена смотрела на него, и внутри всё холодело.

— Чем? — спросила она, хотя уже знала ответ.

Иван Прокофьевич улыбнулся. Широко, сально.

— А ты догадливая, — сказал он. — Люблю таких.

Он протянул руку, чтобы коснуться её волос, но Алена

отшатнулась.

— Не трогайте меня.

— Не дёргайся, — прошипел он, и в его голосе вдруг прорезалась злоба. — Я тебе не граф. Меня не обманешь. Ты тут никто. Крепостная. Хоть сто раз дворянская дочка — всё равно раба. И если я скажу графу, что ты мне предлагала себя за вольную, — он поверит. Поверь мне, поверит.

Алена почувствовала, как её охватывает холод. Не от страха перед этим человеком — от унижения. Он был прав. Он мог сказать Дмитрию что угодно, и никто не стал бы разбираться. Она — крепостная. Её слово ничего не стоило.

— Убирайтесь, — произнесла она тихо.

— Уйду, — ответил он. — Но ты подумай. Времени у тебя мало. Как только графу откажут в отсрочке по долгам — всё, пиши пропало. И тебя продадут. Может, в бордель. Может, ещё куда похуже. А со мной — уедешь. Не в Париж, конечно, но в Воронеже проживёшь не хуже барыни.

Он взял свечу и направился к двери. У порога обернулся.

— И запомни: если графу скажешь — пожалеешь. Я не

злой, но меня не зли.

Он вышел. Дверь закрылась тихо, почти беззвучно. Алена осталась стоять посреди комнаты, прижимая руки к груди. Её трясло. Она села на кровать, обхватила колени и закрыла глаза. В голове билась одна мысль: «Что делать? Что делать?»

Утром она не вышла к завтраку. Сказалась больной — сослалась на головную боль, на слабость. Жюстина? Нет, здесь не было Жюстины. Здесь была девка Матрёна, которая принесла ей чашку чая и сказала, что барин велел узнать, как она. Алена ответила, что ей лучше, и осталась лежать.

Она думала. Всё утро — думала.

Она не могла согласиться на то, что предлагал управляющий. Не могла даже представить, что этот сальный человек коснётся её. Но и оставаться здесь тоже было невыносимо. Дмитрий — со своими руками, своим голосом, своим взглядом, от которого она теряла голову. Князь — с его барской заботой, которая казалась ей такой же фальшивой, как и всё вокруг. И этот дом, эти стены, этот воздух, пропитанный чужим табаком и чужими грехами.

Она встала, подошла к окну. Внизу, во дворе, кучер чи-

стил лошадь. Прачка развешивала бельё. Всё было как обычно. Но между ней и этим обычным миром стояла стена. Стена, которая была выше любых стен.

К вечеру она вышла в сад. Тот же сад, та же беседка. Но теперь там кто-то был.

Дмитрий сидел на скамье, откинувшись на спинку, и смотрел в небо. В руке у него была бутылка вина, уже наполовину пустая. Услышав шаги, он повернул голову.

— Пришла, — сказал он, и в голосе его не было ни удивления, ни насмешки. Просто констатация.

— Вы меня ждали? — спросила она.

— Нет. Я просто сижу здесь каждый вечер. Это единственное место, где тихо.

Она помедлила, потом подошла и села на другой конец скамьи. Между ними осталось пространство, но и его было слишком мало.

— Ты сегодня не выходила, — сказал он.

— Не хотелось.

— Тебя кто-то обидел?

Она посмотрела на него. В его глазах — светлых, усталых — было что-то, похожее на беспокойство. Настоящее или притворное — она не знала. Но в этот момент ей было всё равно.

— Ваш управляющий, — произнесла она. — Иван Прокофьич. Он приходил ко мне ночью.

Дмитрий медленно повернул голову. Вино в бутылке дрогнуло.

— Что он хотел?

— Предлагал вольную. За услугу.

Алена сказала это спокойно. Она не стала уточнять, какую услугу. В этом не было нужды. Дмитрий понял. Его лицо не изменилось, но рука, державшая бутылку, сжалась так, что костяшки побелели.

— И что ты ответила? — спросил он.

— Что я не вещь. Ни ваша, ни его.

Он долго молчал. Потом поднялся. Отошёл на несколько шагов, остановился, глядя в темноту.

— Ты правильно сделала, что сказала мне, — произнёс он.

— Я не вам сказала. Я просто сказала.

— Всё равно.

Он повернулся к ней. В его глазах больше не было усталости. Была ярость — тихая, сдержанная, но от этого ещё более страшная.

— Я разберусь с ним.

— Не надо. Я сама.

— Это не твоё дело. Он мой управляющий. Он посмел прийти к тебе ночью, в моём доме. Это моё дело.

Алена встала.

— Вы не понимаете. Я не хочу, чтобы вы за меня решали. Я не хочу, чтобы вы защищали меня. Я не хочу быть вашей.

— А чьей ты хочешь быть? — он шагнул к ней, и голос его стал ниже. — Его? Князя?

— Ничьей.

— Так не бывает.

— Бывает. Я уже была ничьей. Когда отец умер, я осталась одна. Никто меня не защищал. И я выжила. Сама.

Он смотрел на неё, и в его взгляде что-то менялось. Ярость уступала место чему-то другому. Может быть, уважению. А может — чему-то, чему она не хотела давать названия.

— Хорошо, — сказал он вдруг. — Хочешь сама — делай сама. Но если он ещё раз подойдёт к тебе — скажи мне. Я не потерплю.

Он развернулся и ушёл. Бутылка осталась стоять на скамье, наполовину пустая. Алена смотрела ему вслед, и в груди у неё было странное чувство — не благодарность, не злоба, а что-то среднее. Что-то, чего она не могла понять.

Она вернулась в дом и легла. Но сон не шёл. Она лежала, глядя в потолок, и думала об Иване Прокофьевиче. О его сло-

вах. О его руках. О том, как он улыбался, когда говорил, что она — раба.

И где-то глубоко внутри, под слоем страха и унижения, начинало разгораться что-то другое. Холодное. Твёрдое. Как сталь.

Утром Ивана Прокофьяча нашли в конюшне. Он лежал лицом в соломе, и из-под его головы растекалась тёмная лужа. Рядом валялась бутылка. Все решили — напился и упал, ударился о стойло. Но когда Алена увидела его тело, она заметила на его шее тонкую багровую полосу. Как от верёвки. И в этот момент она подняла глаза и увидела в дверях конюшни Дмитрия. Он смотрел на неё в упор. И в его взгляде не было ни сожаления, ни раскаяния. Только холод.

Глава 5. Первая трещина

Алена не спала всю ночь.

Она лежала в темноте, уставившись в потолок, и перед её глазами снова и снова всплывала багровая полоса на шее управляющего. Тонкая, ровная, как след от верёвки. Она видела такие следы раньше — в детстве, когда в их деревне вешали конокрада. Тогда ей было восемь, и отец запретил ей смотреть. Но она всё равно подсмотрела. И запомнила.

Значит, Дмитрий. Значит, он сделал это. Ради неё. Или ради себя. Она не знала, что хуже.

Утром она вышла к завтраку. В столовой уже сидел Дмитрий — свежий, выбритый, в белоснежной рубашке. Он пил кофе и читал какую-то бумагу. Услышав шаги, поднял голову.

— Доброе утро, — сказал он ровно, будто ничего не произошло.

— Доброе, — ответила Алена и села напротив.

Она не притронулась к еде. Только смотрела на него. Он

тоже смотрел — спокойно, без тени вины. И от этого спокойствия ей становилось страшно.

— Вы его убили, — сказала она тихо.

Дмитрий отложил бумагу. Взял чашку. Сделал глоток. Поставил на место.

— С чего ты взяла?

— Я видела след на шее. От верёвки.

— Может, он сам.

— Вы не верите в это.

Он усмехнулся. Но невесело.

— Какая разница, кто это сделал. Он получил то, что заслужил. Он пришёл к тебе ночью. Он угрожал. Он был мразью.

— Это не вам решать.

— В моём доме — мне.

Алена сжала вилку. Внутри всё кипело. Она хотела закричать, ударить его, что-то разбить. Но вместо этого просто отложила приборы и встала.

— Я не могу здесь больше находиться, — сказала она.

— Сиди.

— Нет.

Она вышла из столовой, не оборачиваясь. Он не пошёл за ней. Она слышала, как за спиной звякнула чашка — резко, с силой. Но шагов не было.

Она выбежала в сад. Душный воздух ударил в лицо, но легче не стало. Она шла по дорожке, не разбирая куда, и слёзы — злые, обжигающие — катились по щекам. Она ненавидела его. Ненавидела за то, что он сделал. Ненавидела за то, что теперь она была ему обязана. Ненавидела за то, что где-то глубоко, под всем этим ужасом, она чувствовала облегчение. И это было самое страшное.

Она остановилась у старого дуба, прислонилась к стволу и закрыла глаза. Долго стояла так, пока слёзы не высохли. Потом вытерла лицо рукавом и пошла назад.

К дому.

К нему.

Дмитрий ждал её на крыльце. Он сидел на ступенях, вытянув ноги, и курил. Увидев её, он не встал. Только смотрел, как она подходит.

— Вернулась, — сказал он.

— Я никуда не ушла.

— Могла.

Она села рядом. Не касаясь, но близко. Он протянул ей платок. На этот раз она взяла.

— Я не знаю, что мне с вами делать, — сказала она честно.

— И я не знаю.

Они сидели молча. Над ними кружила оса, жужжала, билась о перила. Пахло нагретым деревом и табаком.

— Он собирался продать тебя, — произнёс Дмитрий вдруг. — Управляющий. У него уже был покупатель. Один

помещик из Тамбова, известный любитель молоденьких. Он хотел тебя. За большие деньги. Иван Прокофьевич собирался подделать бумаги и вывезти тебя тайно. Я узнал об этом утром.

Алена медленно повернула голову.

— Откуда?

— От его помощника. Мальчишка испугался, когда увидел тело. И всё рассказал.

Она молчала. Значит, управляющий не врал. Он действительно мог её вывезти. Только не для свободы. Для продажи. И Дмитрий узнал. И убил. Не из ревности. Из-за денег? Или из-за неё?

— Вы убили его, потому что он хотел меня продать? — спросила она.

— Я убил его, потому что он посмел распоряжаться тобой, — ответил Дмитрий, и в его голосе впервые за всё утро появилась эмоция — злая, жёсткая, настоящая. — Ты моя. Никто не смеет тебя трогать. Ни он, ни тамбовский помещик, ни князь Левашов, ни сам чёрт.

Он смотрел на неё, и в его глазах горело то самое пламя — опасное, собственническое, безумное. Алена понимала, что должна испугаться. Но не испугалась. Вместо страха внутри поднималось что-то другое — тёмное, жаркое, непонятное.

— Вы не можете владеть мной, — сказала она тихо.

— Могу.

— Нет.

— Могу, — он подался вперёд, и их лица оказались совсем близко. — Потому что ты сама этого хочешь.

Она хотела возразить. Хотела сказать, что это ложь, что она ненавидит его, что мечтает о свободе. Но слова застряли в горле. Потому что где-то в самой глубине, под слоем злости и страха, было что-то, что тянулось к нему. Не к графу. Не к барину. А к нему — к мужчине, который убил за неё.

— Я не хочу, — прошептала она.

— Хочешь.

Он наклонился и поцеловал её. Не грубо, не требовательно, как в первый раз, а медленно, почти нежно. Его губы бы-

ли тёплыми, и от них пахло кофе и табаком. Алена замерла. Внутри всё сжалось, потом разлилось теплом. Она не ответила на поцелуй, но и не оттолкнула. Просто стояла, чувствуя, как подгибаются колени.

Он отстранился первым. Посмотрел на неё, и в его глазах было что-то новое — не торжество, не похоть, а растерянность.

— Прости, — сказал он вдруг. — Я не должен был.

Он встал и ушёл в дом, оставив её одну на крыльце. Алена сидела, прижав пальцы к губам, и чувствовала, как по щекам снова текут слёзы. Но это были другие слёзы. Не злые. Просто слёзы.

Вечером приехал князь.

Он появился неожиданно, как и в первый раз, — на той же коляске, в том же безупречном сюртуке. Но теперь в его облике было что-то тревожное. Он не улыбался. Его тёплые глаза смотрели настороженно, и когда он увидел Алену на крыльце, в них мелькнуло облегчение.

— Жива, — сказал он, подходя. — Слава Богу.

— А что мне сделается, князь? — спросила Алена.

— Мне донесли, что в Воронцовке произошло несчастье. Управляющий погиб.

— Погиб, — подтвердила Алена, не отводя глаз.

— Граф здесь?

— У себя. В кабинете.

Владимир кивнул и направился в дом. Алена осталась на крыльце. Через минуту из кабинета донеслись голоса — сначала ровные, потом всё громче. Она не разбирала слов, но слышала, как Дмитрий что-то резко бросил, и как Владимир ответил ему тем же. Потом хлопнула дверь, и на крыльцо вышел князь. Его лицо было бледным, а губы сжаты в тонкую линию.

— Уезжаю, — сказал он Алене. — Но я вернусь. И на этот раз я не буду спрашивать разрешения.

Он взял её руку и поднёс к губам. Поцелуй был долгим, почтительным, но в нём чувствовалась сила.

— Если вам будет грозить опасность, — произнёс он тихо,

— пришлите мне знак. Я приеду.

— Какой знак?

— Любой. Просто дайте знать.

Он сел в коляску и уехал. Алена смотрела ему вслед, и в груди у неё было странное чувство — как будто её разрывают на две части. Одна тянулась к Дмитрию — тёмному, опасному, но живому. Другая — к Владимиру — светлому, надёжному, но чужому.

Она вернулась в дом и поднялась к себе. Но не успела закрыть дверь, как на пороге появился Дмитрий. Он был бледен, и на скуле у него наливался синяк.

— Он тебя касался, — сказал он, и это был не вопрос.

— Он поцеловал мне руку.

— Я видел.

— Это ничего не значит.

— Значит, — он шагнул к ней, и голос его стал глухим.
— Всё, что тебя касается, значит.

Она смотрела на него — на его синяк, на его бешеные глаза, на его сжатые кулаки. И вдруг поняла: он ревнует. Не как хозяин к вещи. Как мужчина к женщине.

— Вы ударили его? — спросила она.

— Я ударил бы его ещё раз, если бы он не уехал.

— Вы с ума сошли.

— Возможно.

Он подошёл ещё ближе. Теперь между ними не было ни фута.

— Я не могу тебя отпустить, — произнёс он тихо. — Не могу. Ты — как болезнь. Как огонь. Я знаю, что сгорю, но не могу остановиться.

Алена смотрела на него, и внутри у неё что-то рушилось. Стена, которую она выстроила, дала трещину. И в эту трещину хлынуло всё: злость, желание, страх, ненависть, — всё смешалось в один обжигающий поток.

— Я вас ненавижу, — прошептала она.

— Знаю.

— Я хочу уйти.

— Знаю.

— Но не могу.

Он замер. Смотрел на неё, и в его глазах что-то менялось. Что-то тёмное, страшное, но в то же время — живое.

— Почему? — спросил он.

— Потому что вы — первый, кто сделал для меня что-то. Не для себя. Для меня. Вы убили за меня. И я не знаю, как с этим жить.

Он поднял руку и коснулся её щеки. Алена закрыла глаза. Его ладонь была тёплой, и она не отстранилась. Стояла, чувствуя, как по коже разливается тепло.

— Останься, — сказал он. — Не как крепостная. Не как вещь. Просто останься.

— Я не могу обещать.

— Я не прошу обещаний. Просто останься. Сегодня. Сейчас.

Она открыла глаза. Посмотрела на него — на его усталое, красивое, бешеное лицо. И вдруг поняла, что не хочет уходить. Не потому, что некуда. А потому, что не может.

— Хорошо, — прошептала она. — Сегодня.

Он наклонился и поцеловал её. На этот раз она ответила. Сначала робко, потом всё смелее. Её руки легли ему на грудь, ощутив под тканью рубашки быстрое биение сердца. Он обнял её за талию, притянул к себе. Поцелуй стал глубже, жарче. Она почувствовала, как его пальцы расстёгивают пуговицы на её платье.

— Скажи «нет», — прошептал он, не отрываясь от её губ.
— Скажи, и я остановлюсь.

Она не сказала.

Платье соскользнуло на пол. Его руки скользили по её телу, и от каждого прикосновения по коже пробегали мурашки. Он поднял её на руки и отнёс на кровать. Лёг рядом, не отпуская. Его губы спустились к её шее, к ключицам, к груди.

Алена выгнулась, вцепившись в простыни, и тихо застонала.

— Ты моя, — шептал он между поцелуями. — Моя. Моя.

— Нет, — выдохнула она.

— Моя.

Он вошёл в неё медленно, и она вскрикнула — не от боли, а от чего-то другого, что разлилось по всему телу. Он двигался ритмично, и с каждым толчком она чувствовала, как стена рушится, как исчезает всё — ненависть, страх, гордость. Остаётся только он. Только его руки. Только его дыхание. Только его шёпот.

— Смотри на меня, — приказал он.

Она открыла глаза. Их взгляды встретились. И в этот момент она поняла, что пропала. Что бы ни случилось дальше — она уже не сможет его забыть. Никогда.

Когда всё закончилось, он лежал рядом, обнимая её. Алена прижалась к его груди, слушая, как бьётся его сердце. За окном пели цикады. В доме было тихо.

— Я не отпущу тебя, — сказал он.

— Я знаю.

— И я не отдам тебя никому. Ни князю, ни Императору, ни Богу.

— Я знаю.

— Ты боишься?

— Нет.

Это было правдой. Впервые за долгое время она не боялась. Она не знала, что будет дальше. Не знала, чем всё это закончится. Но сейчас, в эту минуту, ей было всё равно.

Она закрыла глаза и провалилась в сон.

Клиффхэнгер: Утром её разбудил шум. Она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Дмитрия рядом не было. Она приподнялась на локте, прислушалась. Голоса во дворе — громкие, злые. Кто-то кричал. Кто-то плакал. Она встала, накинула платье и подошла к окну.

Внизу, у крыльца, стояла толпа. Крестьяне. Мужики с кольями, бабы с детьми. И в центре — Дмитрий. Он держал в

руке бумагу и что-то читал. Алена не слышала слов, но видела, как люди падают на колени. Как кто-то крестится. Как баба с ребёнком на руках громко голосит.

Дверь в её комнату отворилась. На пороге стояла Матрёна — бледная, с трясущимися руками.

— Барышня, — прошептала она. — Беда. Барин сейчас объявил, что отпускает всех крестьян на волю. Всех. Даром. Землю отдаёт. Люди с ума сходят. Не верят. А он говорит: «Идите. Вы свободны».

Алена замерла. Она смотрела на Дмитрия — там, внизу, в гуще толпы. На его лицо, бледное, но спокойное. И поняла, что он сделал это не для них. Не для себя. Для неё.

Она сделала шаг к двери. И в этот момент за спиной слышался голос:

— Алена.

Она обернулась. В дверях, ведущих на чёрную лестницу, стоял Владимир Левашов. Он был в дорожном платье, с пистолетом за поясом. И в его глазах не было ни тепла, ни улыбки. Только холодная решимость.

— Одевайтесь, — сказал он. — Мы уезжаем. Немедленно.

Глава 6. Выбор

Алена стояла на пороге, и время будто остановилось.

Перед ней — Владимир, в дорожном сюртуке, с пистолетом за поясом, с лицом человека, который уже принял решение. За окном — Дмитрий, в гуще крестьянской толпы, с бумагой в руке, с голосом, который она слышала даже сквозь стекло. Два мужчины. Два мира. И она — между ними.

— Одевайтесь, — повторил Владимир. — У нас мало времени.

— Что вы здесь делаете? — спросила она, не двигаясь с места.

— спасаю вас.

— От чего?

— От него.

Алена посмотрела в окно. Дмитрий всё ещё говорил с крестьянами. Он не знал, что происходит наверху. Не знал, что в его доме, на чёрной лестнице, стоит человек, который при-

шёл забрать его женщину.

— Я никуда не поеду, — сказала она.

Владимир нахмурился.

— Вы не понимаете. Он опасен. Он убил человека. Вы видели след на шее управляющего? Это он.

— Я знаю.

— И всё равно остаётесь?

— Да.

Владимир шагнул в комнату. Закрыл за собой дверь. В его глазах мелькнула боль — настоящая, глубокая, как трещина во льду.

— Алена, — произнёс он тихо, — я люблю вас. С первого взгляда. Я не могу смотреть, как вы гниёте в этом доме, с этим человеком. Он не достоин вас. Никто не достоин. Но я хотя бы попытаюсь дать вам то, чего вы заслуживаете.

— Свободу?

— Да. И дом. И имя. Я женюсь на вас. Не как на крепостной — как на равной.

Алена смотрела на него. Красивый. Благородный. Честный. Всё, что она должна была хотеть. Всё, что ей предлагали — на блюдечке, с поклоном. И всё это было не то.

— Князь, — сказала она, и голос её дрогнул, — вы хороший человек. Правда. Лучший, кого я встречала. Но я не могу поехать с вами.

— Почему?

— Потому что я не люблю вас.

Он замер. Эти слова ударили его сильнее, чем любой удар. Он отступил на шаг, и его лицо — всегда такое тёплое, такое открытое — вдруг стало старым.

— Вы любите его? — спросил он.

Алена молчала. Она не знала ответа. Или знала, но боялась произнести.

— Вы любите его, — повторил Владимир, и в его голосе не было злости. Только горечь. — Я так и знал. С самого начала.

Когда увидел вас на крыльце — босую, в грубом платье, с этим взглядом. Вы смотрели не на меня. Вы искали его.

— Князь...

— Не надо. — Он поднял руку. — Я не в обиде. Я просто хотел вас спасти. Но, видимо, спасти нужно было не вас.

Он развернулся и пошёл к двери. У порога остановился.

— Если передумаете — я оставлю вам адрес. Мой дом всегда открыт.

Он вышел. Дверь закрылась тихо. Алена осталась одна. Она стояла посреди комнаты, прижимая руки к груди, и слушала, как внизу, во дворе, всё ещё гудит толпа. Потом подошла к окну.

Дмитрий всё ещё был там. Крестьяне окружили его плотным кольцом. Кто-то целовал ему руку. Кто-то плакал. Баба с ребёнком упала на колени и что-то говорила, глядя на него снизу вверх. А он стоял — прямой, спокойный, — и в его лице не было ни торжества, ни гордости. Только усталость.

Алена смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Она вспомнила его руки. Его губы. Его шёпот:

«Ты моя». И понимала, что не может уйти. Не потому, что он её не отпустит. А потому, что она сама не хочет.

Она отошла от окна, накинула платье и спустилась вниз.

Толпа начала расходиться. Крестьяне уходили — кто-то с песней, кто-то молча, кто-то всё ещё крестясь. Дмитрий стоял на крыльце, глядя им вслед. Услышав шаги, обернулся.

— Ты видела? — спросил он.

— Видела.

— Я отпустил их. Всех. Даром. Землю отдал.

— Зачем?

Он помолчал. Потом ответил:

— Потому что ты была права. Я — пустой. Я жил, не думая ни о ком, кроме себя. А ты... ты заставила меня вспомнить, что есть что-то ещё.

— Я ничего не делала.

— Ты просто была. Этого достаточно.

Он подошёл к ней. Взял её руку. Его пальцы были холодными — он стоял на ветру уже больше часа.

— Князь приезжал, — сказала Алена.

Дмитрий напрягся.

— Знаю. Видел его коляску.

— Он предлагал мне уехать.

— И что ты ответила?

Алена посмотрела ему в глаза. В них было всё: страх, надежда, ярость, любовь. Всё смешалось.

— Я осталась, — сказала она.

Он выдохнул. Медленно, как будто держал воздух в груди всё это время. Потом притянул её к себе и обнял. Крепко, так, что у неё хрустнули кости.

— Спасибо, — прошептал он в её волосы.

— Не благодари. Я ещё не решила.

— Всё равно. Спасибо.

Они простояли так несколько минут. Потом он отстранился.

— Идём в дом. Ты замёрзла.

— А вы?

— Я привык.

Они вошли. В столовой было тепло — натопили с утра. Алена села за стол, и Матрёна принесла ей чаю. Дмитрий сел напротив. Он всё ещё был бледен, и на скуле темнел синяк — след от удара, который он нанёс Владимиру.

— Вы ударили его, — сказала Алена, глядя на синяк.

— Он это заслужил.

— Он хотел меня спасти.

— Он хотел тебя забрать. Это разные вещи.

Алена не стала спорить. Она устала. Слишком много все-

го случилось за эти дни. Она пила чай и смотрела на него — на его руки, на его лицо, на то, как он хмурится, когда думает. И понимала, что осталась не потому, что некуда идти. А потому, что хотела быть здесь. С ним.

— Что теперь будет? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он честно. — Я отпустил крестьян. Имение без них — ничто. Я разорён. Совсем. Долги остались, а доходов не будет.

— Зачем вы это сделали?

— Я уже сказал.

— Скажите ещё раз.

Он поднял на неё глаза.

— Потому что я люблю тебя.

Алена замерла. Эти слова — простые, короткие — ударили сильнее, чем всё, что он говорил раньше. Она смотрела на него и не знала, что ответить. Она не привыкла к таким словам. Никто никогда не говорил ей этого. Ни отец — он был слишком занят своей тоской. Ни Зарубин — он хотел

только её тело. Ни князь — он говорил о любви, но это была не любовь, а желание спасти.

А Дмитрий сказал это просто. Как факт. Как погоду.

— Вы не можете меня любить, — сказала она. — Я крепостная. Я никто.

— Ты — Алена. Этого достаточно.

— Нет.

— Достаточно, — он поднялся, обошёл стол, сел рядом с ней. Взял её руку. — Послушай. Я не знаю, что будет завтра. Может, меня посадят в долговую тюрьму. Может, убьют на дуэли. Может, я умру от холеры. Но пока я жив — ты будешь со мной. Не как крепостная. Не как вещь. Как женщина, которую я люблю. Это всё, что я могу тебе дать.

Алена смотрела на его руку, держащую её руку. На его пальцы, покрытые мозолями от сабли и поводьев. На тонкую царапину на костяшке — след от сегодняшней драки. И чувствовала, как внутри что-то тает. Что-то, что она так долго держала в кулаке.

— Я не знаю, что такое любовь, — сказала она честно.

— Я тоже. Но, кажется, это она.

Он наклонился и поцеловал её. Медленно. Нежно. Как будто она была чем-то хрупким. Алена закрыла глаза и ответила. Её рука поднялась и легла ему на затылок. Она чувствовала его дыхание, его тепло, его запах. И понимала, что пропала. Окончательно. Безнадёжно.

Ночью они снова были вместе. На этот раз медленнее, тише. Он целовал её долго, как будто запоминал каждую родинку, каждый изгиб. Она отвечала — сначала робко, потом всё смелее. И когда всё закончилось, она лежала в его объятиях и слушала, как бьётся его сердце. Ровно. Спокойно. Как у человека, который наконец нашёл то, что искал.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — сказал он.

— Я не уйду.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он поцеловал её в лоб. Алена закрыла глаза и провалилась в сон. Впервые за долгое время — без кошмаров.

Утром её разбудил стук копыт. Она открыла глаза. Дмитрий рядом не было. Она подошла к окну и замерла.

Во дворе стояли три всадника в военной форме. Один из них — в офицерском мундире с аксельбантами — держал в руке бумагу. Дмитрий стоял перед ним, и его лицо было белым, как мел.

Алена быстро накинула платье и выбежала на крыльцо. Офицер говорил громко, чётко:

— Граф Дмитрий Воронцов! По указу Его Императорского Величества вы арестованы за убийство управляющего Ивана Прокофьева. Сдайте оружие.

Дмитрий не двинулся. Он смотрел не на офицера. Он смотрел на Алену. И в его глазах была не злость, не страх. Только сожаление.

— Кто донёс? — спросил он.

Офицер усмехнулся.

— Князь Левашов. Вчера вечером. Он лично подал рапорт в губернское правление.

Алена почувствовала, как земля уходит из-под ног. Владимир. Тот, кто говорил о любви. Тот, кто хотел спасти. Он донёс. Из мести. Из ревности. Из злости. И теперь Дмитрий стоял перед солдатами, и его руки заводили за спину.

— Не смейте! — крикнула Алена и бросилась вперёд. Но её перехватил второй солдат.

— Отойдите, барышня. Не мешайте.

— Это ложь! Он не убивал! Я знаю!

Дмитрий посмотрел на неё. Впервые за всё время — мягко, почти нежно.

— Не надо, — сказал он тихо. — Всё равно не поверят.

— Но это ложь!

— Неважно. — Он улыбнулся. Криво, горько. — Уходи. Забирай вещи и уходи. Пока можешь.

— Я не уйду!

— Уйди, Алена. Прошу тебя.

Солдаты повели его к коляске. Он не сопротивлялся. Только обернулся один раз. Посмотрел на неё — долго, как будто прощаясь навсегда. И сел в экипаж.

Коляска тронулась. Алена осталась стоять на крыльце. Ветер трепал её волосы, но она не замечала. Внутри всё онемело. Пустота. Холод. И где-то глубоко — ненависть. К князю. К Императору. Ко всему миру.

Она медленно повернулась и пошла в дом. В комнату Дмитрия. Открыла шкаф. Нашла его старый сюртук. Прижала к лицу. Пахло табаком и им. Она стояла так долго, пока не слышала за спиной шаги.

Обернулась.

На пороге стояла Матрёна. Бледная, с трясущимися губами.

— Барышня, — прошептала она. — Там это... Князь приехал. Опять. Говорит, хочет с вами поговорить.

Глава 7. Цена спасения

Князь Владимир Левашов стоял в гостиной, спиной к окну, и в его облике что-то переменялось. Он больше не улыбался. Не смотрел с тёплым участием. Его лицо было жёстким, как у человека, который принял решение и готов нести за него ответ. Он был в том же дорожном сюртуке, но теперь в его руке была не шляпа, а сложенная вчетверо бумага. Копия рапорта. Алена поняла это сразу, хотя ещё не видела текста.

— Вы, — произнесла она, останавливаясь на пороге.

— Я, — ответил он спокойно.

— Вы донесли на него.

— Да.

Она смотрела на него, и внутри всё кипело. Ненависть, злость, отвращение — всё смешалось в один тугой комок. Но она не закричала. Не бросилась на него с кулаками. Только сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Зачем? — спросила она тихо.

— Затем, что он убийца. Он убил человека. Управляющего. Вы сами видели след на шее.

— Он убил негодяя. Того, кто хотел меня продать.

— Это не имеет значения. Убийство есть убийство. Я не мог позволить, чтобы вы оставались с ним.

Алена шагнула в комнату. Медленно. Как хищница перед прыжком.

— Вы сделали это не ради меня. Вы сделали это ради себя. Потому что не смогли получить то, что хотели.

Владимир побледнел. Его рука сжала бумагу.

— Это неправда.

— Правда. Вы хотели меня. Вы предлагали мне своё имение, своё имя, свою любовь. А я отказалась. И вы не вынесли отказа. Вот и вся ваша любовь.

Он смотрел на неё, и в его глазах что-то дрогнуло. Что-то, что он изо всех сил старался спрятать. Боль. Настоящая.

Глубокая.

— Я люблю вас, — произнёс он, и голос его дрогнул. — Я не могу это изменить. Я не могу смотреть, как вы губите себя с этим человеком.

— Я не гублю себя. Я живу. Впервые в жизни.

— Вы живёте в иллюзии. Он не тот, кем кажется. Он беглый петербургский игрок с тёмным прошлым. Он убил человека. Он разорил своё имение. Что вас ждёт с ним? Нищета? Долговая тюрьма? Ссылка?

— Вас это не касается.

— Касается. Потому что я хочу вас спасти. Даже если вы этого не хотите.

Он шагнул к ней. Ближе. Алена не отступила. Но её взгляд был холоден, как лёд на Неве в январе.

— Вы меня не спасаете, — сказала она. — Вы меня убиваете. Вы отняли у меня единственного человека, который видел во мне не крепостную, не вещь, а женщину. Вы отняли у меня его. Вы отправили его в тюрьму. И теперь стоите здесь и говорите о любви?

— Я сделал это ради вас.

— Нет. Ради себя.

Она развернулась и пошла к двери. Он догнал её, схватил за руку.

— Алена, подождите. Я не хотел вам зла. Я хотел, чтобы вы были счастливы.

Она обернулась. Её лицо было спокойным. Слишком спокойным.

— Отпустите меня, князь. Иначе я закричу так, что убежит вся дворня.

Он отпустил. Медленно. Нехотя.

— Вы пожалеете, — сказал он тихо. — Рано или поздно.

— Возможно. Но не сейчас.

Она вышла из гостиной и поднялась к себе. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Слезы, которые она сдерживала всё это время, наконец

хлынули. Она плакала тихо, беззвучно, прижимая ладонь к губам. Чтобы никто не слышал. Чтобы никто не видел.

Она не знала, сколько так просидела. Час. Два. За окном стемнело. Где-то в доме ходила Матрёна, гремела посудой. Князь, видимо, уехал — его голоса не было слышно. Алена поднялась, умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало. Глаза красные, лицо бледное. Но внутри — не сломленная женщина. Внутри было что-то другое. Твёрдое. Решительное.

Она знала, что делать.

К вечеру она спустилась в людскую. Там сидели дворовые — те, кто остался после того, как Дмитрий отпустил крестьян. Их было немного: Матрёна, старик-кучер Егорыч, кухарка Дарья, ещё пара девок. Они сидели вокруг стола, и на лицах у них был страх.

— Что теперь с нами будет? — спросила Дарья, увидев Алену. — Барин в тюрьме. Имение разорено. Куда нам деваться?

— Никуда, — ответила Алена. Она села на лавку и обвела их взглядом. — Мы останемся здесь. И будем бороться.

— За что? — хмыкнул Егорыч.

— За него. За барина. Его надо вытащить.

— Как? — Матрёна всплеснула руками. — Против князя не пойдёшь. Против правления не пойдёшь. Барин убил человека. Все знают.

— Никто не знает. Все думают, что он упал. Пьяный был. Все видели, что он пил.

— А след на шее?

— Это князь придумал. Он подал рапорт. Но доказательств у него нет. Он видел след так же, как и мы. Но он не может доказать, что это барин.

Матрёна покачала головой.

— Не выйдет, барышня. Против князя не попрёшь.

— А кто говорит, что мы будем переть против него? Мы просто расскажем правду. Управляющий продавал меня. Он хотел вывезти меня тайно. Барин узнал. У них был разговор. Управляющий ушёл. А утром его нашли мёртвым. Может, он сам упал. Может, кто-то другой. Но не барин. Потому что

барин в это время был со мной.

Она сказала это прямо. Не опуская глаз. Матрёна ахнула. Дарья прикрыла рот рукой. Егорыч крикнул.

— Вы это... — начала Матрёна. — Вы готовы сказать это при следователе?

— Да.

— А если не поверят?

— Поверят. Потому что это правда. А правду не спрячешь.

Она встала.

— Егорыч, запрягай лошадь. Я еду в Воронеж. В губернское правление.

— Сейчас? — старик вытаращил глаза. — Ночь на дворе!

— Сейчас. Завтра может быть поздно.

Егорыч помедлил, потом кивнул. Он знал её достаточно, чтобы понимать: если Алена что-то решила, её не остано-

вишь.

Через час она уже сидела в повозке. Тёмная дорога, мокрый ветер, редкие звёзды над головой. Она ехала в город, чтобы спасти человека, которого любила. И впервые за всё время она не боялась. Потому что знала: теперь всё зависит от неё.

Когда повозка въехала в Воронеж, первые лучи рассвета только начали золотить верхушки церквей. Алена вышла у губернского правления, поправила платье и шагнула к дверям. Но на ступенях её ждал человек. Незнакомый. В штатском. С холодными глазами. Он поклонился.

— Алена Дмитриевна? — спросил он.

— Да.

— Меня прислал граф Воронцов. Точнее — он не знает, что я здесь. Меня зовут Фёдор Михайлович. Я его поверенный. По старому делу. Из Петербурга.

Он помолчал.

— Есть вещи, которые вы должны узнать о вашем графе. И боюсь, после этого вы не захотите его спасать.

Глава 8. Тень Петербурга

Фёдор Михайлович оказался сухим, невысоким человеком лет пятидесяти, с бесцветными глазами и манерами, отточенными годами службы. Он не улыбался, не кланялся лишний раз, не разводил церемоний. Просто стоял на ступенях губернского правления, держа в руке потемневший от времени портфель, и смотрел на Алену так, будто видел её насквозь.

— Пойдёмте, — сказал он. — Здесь не место для разговоров.

Он повёл её в маленькую кофейню на углу. Внутри пахло жжёным ячменём и сыростью. Было пусто — только сонный половой дремал за стойкой. Фёдор Михайлович сел за дальний стол, жестом указал Алене на скамью напротив. Она села. Не потому, что хотела, а потому, что ноги вдруг стали ватными.

— Кто вы? — спросила она.

— Поверенный графа Воронцова. По делам, которые он унаследовал от отца. Я знаю его с детства. Знал его мать.

Знал его брата.

— У него был брат?

— Был. Младший. Николай. Умер шесть лет назад.

Алена молчала. Дмитрий никогда не говорил о брате. Ни разу.

Фёдор Михайлович раскрыл портфель и достал пожелтевший лист. Развернул его на столе. Это было письмо — старый почерк, выцветшие чернила.

— Это последнее письмо, которое граф получил из Петербурга. Перед тем как уехать. Перед тем как сюда приехать. Прочитайте.

Алена взяла лист. Буквы расплывались, но она разобрала:

«Дмитрий, брат мой. Я не могу больше. Я убил человека. На дуэли. Он оскорбил нашу мать, и я не стерпел. Я не хотел, но он умер. Я не могу смотреть матери в глаза. Я не могу жить с этим. Прости меня. Николай».

Алена подняла глаза.

— Это письмо от брата?

— Да. Николай застрелил на дуэли барона Штейна. Тот позволил себе гнусность в адрес их матери. Николай был молод, горяч. Он не выдержал. Дуэль была тайной, но барон умер. Началось расследование. Николая ждала Сибирь. И тогда Дмитрий...

Фёдор Михайлович замолчал. Провёл рукой по лицу.

— Дмитрий взял вину на себя. Он сказал, что это он стрелял. Он подделал письма, подкупил свидетелей, запугал секундантов. Он сделал всё, чтобы его брата оправдали. А сам стал убийцей в глазах всего Петербурга. Его хотели судить, но он бежал. Сюда. В Воронцовку. К матери, которая так и не узнала правды. Она умерла через год. Николай — через два. Он не вынес вины. Застрелился.

Алена сидела неподвижно. Внутри всё сжалось в тугую комок. Она вспомнила Дмитрия — его цинизм, его холод, его скуку. Вспомнила, как он сказал: «Я пустой». Вспомнила его глаза, когда он говорил о матери. И поняла, что за этим «пустой» скрывалось нечто большее. Не пустота. Горе. Вина. Тень, которая тянулась за ним из Петербурга.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила она.

— Потому что вы собираетесь его спасать. Идти в губернское правление, говорить, что он невиновен. Но вы должны знать: если вы расскажете правду о нём, вы расскажете и о его брате. О дуэли. О бароне. Это старая история, но она может всплыть. И тогда Дмитрию будет хуже. Не тюрьма — ка-торга.

— Что же мне делать?

— Я могу помочь. У меня есть связи. Я знаю людей, которые могут замять дело об убийстве управляющего. Но для этого нужно время. И деньги.

— Сколько?

Он назвал сумму. Алена побледнела. У неё не было таких денег. У неё вообще ничего не было.

— Тогда зачем вы пришли?

Фёдор Михайлович помолчал. Потом сказал:

— Потому что я знал его отца. Хороший был человек. И я знаю, что Дмитрий не убивал управляющего. Он мог. Но не стал бы. Он убил один раз — и это его сломало. Больше

он не сможет.

— Тогда кто?

— Князь Левашов. Или его люди. Он подал рапорт, но сам же и подстроил всё. Я проверил. След на шее управляющего — от тонкой верёвки. Такие используют в конюшнях. У Дмитрия таких нет. А у князя — есть. Он держит конюшню, у него свои кузнецы. Я не могу доказать, но я знаю.

Алена смотрела на него. Внутри всё кипело. Князь. Опять князь. Человек, который говорил о любви. Который хотел её спасти. Который донёс на Дмитрия. И который сам же убил управляющего — чтобы подставить.

— Что мне делать? — повторила она.

— Идите в правление. Скажите, что вы были с Дмитрием в ту ночь. Что он не выходил из вашей комнаты. Что управляющий пришёл к вам, угрожал, вы его выгнали. И что утром его нашли мёртвым. Это ваша правда. Её достаточно, чтобы посадить Дмитрия под домашний арест вместо тюрьмы. А потом я буду работать. Мне нужно две недели.

— Две недели?

— Да. Я соберу доказательства против князя. У меня есть люди. Но вы должны молчать. Никому ни слова. Даже Дмитрию.

— Почему?

— Потому что если он узнает, что князь подставил его из-за вас, он убьёт его. И тогда уже никто не спасёт.

Алена закрыла глаза. Всё внутри кричало. Она хотела броситься в правление, закричать, рассказать всё. Но она понимала: Фёдор Михайлович прав. Дмитрий не простит. Он убьёт князя. И тогда всё будет кончено.

— Хорошо, — сказала она. — Я сделаю, как вы говорите.

Фёдор Михайлович кивнул. Поднялся. Взял портфель.

— Я буду на связи. Не ищите меня. Я сам найду вас.

Он ушёл. Алена осталась сидеть в кофейне, глядя на остывший чай. Внутри было пусто. И в то же время — полно. Она знала, что делать. Знала, что теперь всё зависит от неё.

Она встала и вышла на улицу. Воронеж просыпался. Где-то звонили колокола. Пахло хлебом и дымом. Алена пошла к

правлению. У дверей её встретил тот же холодноглазый офицер. Она сказала, что хочет дать показания. Её провели в комнату с низкими потолками и запахом чернил. За столом сидел следователь — немолодой, усталый.

— Слушаю, — сказал он.

Алена села. Выпрямила спину. И заговорила.

Она рассказала всё: как управляющий пришёл к ней ночью, как угрожал, как предлагал вольную за услугу, как она отказала. Рассказала, что Дмитрий узнал об этом и выгнал управляющего. Рассказала, что ночью Дмитрий был с ней. Что он не выходил. Что управляющий, скорее всего, напился и упал. Что след на шее — от воротника, который затянулся, когда он падал.

Следователь слушал. Записывал. Иногда поднимал глаза — смотрел на неё с недоверием. Но она говорила спокойно, уверенно. Как человек, который говорит правду.

Когда она закончила, он отложил перо.

— Вы понимаете, что это меняет дело? — спросил он.

— Понимаю.

— И вы готовы повторить это под присягой?

— Готова.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Я рассмотрю. Можете идти.

Она вышла. На улице светило солнце. Она вдохнула полной грудью. Впервые за долгое время — легко.

Домой она вернулась к вечеру. Матрёна встретила её на крыльце.

— Барышня, — прошептала она. — Там это... Князь приехал. Опять. В гостиной сидит. Ждёт вас.

Алена остановилась. Посмотрела на окна гостиной. Там горел свет. И в этом свете — тёмный силуэт.

— Хорошо, — сказала она. — Я поговорю с ним.

Она поднялась на крыльцо. Толкнула дверь. И вошла.

Князь стоял у камина. Но когда он обернулся, Алена уви-

дела, что это не Владимир. Это был его кузен — тот самый, которого она видела один раз на балу в Воронеже. Он улыбнулся. Холодно. Жёстко.

— Алена Дмитриевна, — произнёс он. — Мой кузен просил передать вам письмо. И ещё кое-что. Он уехал. Навсегда. И просил передать, что вы больше никогда его не увидите. Но это не всё. Он сказал, что если вы попытаетесь спасти графа Воронцова, то пожалеете. Потому что тогда он расскажет всем правду о вас. О том, кто вы на самом деле. О том, что ваша мать была не просто дворовой. Она была любовницей его отца. И вы — его сестра. Сводная.

Глава 9. Кровь

Алена стояла в дверях гостиной и смотрела на человека, который только что перевернул её мир.

Кузен князя — она вспомнила его имя: Борис Левашов — был похож на Владимира, но грубее. Те же светлые волосы, тот же разрез глаз, но лицо жёстче, губы тоньше, взгляд холоднее. Он был в дорожном сюртуке мышинного цвета, с дорожной сумкой через плечо, и держал в руке запечатанный конверт.

— Вы лжёте, — сказала Алена.

— Зачем мне лгать? — он пожал плечами. — Я всего лишь передаю то, что просил мой кузен. Он уехал. В Петербург. Или за границу — я не спрашивал. Но перед отъездом он сказал мне: «Передай ей письмо. И скажи, что если она попытается спасти Воронцова — я расскажу всем, кто она на самом деле».

— И кто же я, по-вашему?

Борис усмехнулся. Криво, невесело.

— Вы — дочь Софьи. Дворовой девки из имения моего дяди, князя Левашова. И дочь его самого. Незаконнорожденная. Сводная сестра Владимира. И моя, к слову, тоже. Хоть и дальняя.

Алена почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она схватилась за спинку кресла, чтобы не упасть. В голове всё завертелось. Софья. Её мать. Она умерла, когда Алене было шесть. Алена помнила её смутно — тёплые руки, запах молока и трав, колыбельную на ночь. Отец — тот, кого она считала отцом, обедневший дворянин, — никогда не говорил о Софье дурно. Только раз, пьяный, сказал: «Она была ангелом. И я не достоин был даже её тени».

— Это неправда, — прошептала она.

— Правда, — Борис положил конверт на стол. — Письмо от Владимира. Он всё объяснит. Я не читал. Мне это неинтересно.

Он пошёл к двери. У порога обернулся.

— И ещё. Мой кузен просил передать: он не желает вам зла. Но если вы поднимете шум, он будет защищаться. А у него, в отличие от вас, есть имя, связи и деньги. Подумайте,

стоит ли граф Воронцов таких жертв.

Он вышел. Дверь закрылась тихо. Алена осталась одна. Она смотрела на конверт — белый, с сургучной печатью — и не могла заставить себя его открыть. Ноги подкосились, и она села в кресло. Руки дрожали.

Она сидела так долго. За окном стемнело, потом совсем стемнело. Матрёна заглянула в гостиную, спросила, подавать ли ужин. Алена покачала головой. Матрёна ушла.

Наконец Алена взяла конверт. Сломала печать. Развернула лист.

Почерк Владимира был ровным, красивым, как у человека, который привык писать письма.

«Алена,

Прости меня. Я не хотел, чтобы ты узнала так. Я сам узнал об этом недавно — от старой няньки, которая служила ещё при моём отце. Она рассказала мне, что твоя мать была не просто дворовой. Она была любовью моего отца. И ты — его дочь. Моя сестра.

Я не знал этого, когда впервые увидел тебя. Я полюбил

тебя, как мужчина любит женщину. А потом узнал правду — и был раздавлен. Я не мог сказать тебе. Я боялся, что ты возненавидишь меня. Или, хуже того, возненавидишь себя.

Я донёс на Воронцова не из мести. Я сделал это, потому что хотел убрать его из твоей жизни. Я думал, что если его не будет, ты сможешь начать всё заново. Со мной. Как сестра. Я бы дал тебе имя, дом, защиту. Я бы никогда не прикоснулся к тебе. Я бы просто был рядом.

Но я вижу, что ты выбрала его. И я не могу с этим бороться. Поэтому я уезжаю. Навсегда. И прошу тебя об одном: не пытайся спасти Воронцова. Если ты это сделаешь, я расскажу всем, кто ты. Не из злости — из отчаяния. Потому что я не могу смотреть, как ты губишь себя с человеком, который тебя не достоин.

Прости меня, если сможешь.

Владимир».

Алена дочитала. Положила письмо на колени. Слезы текли по щекам, но она не вытирала их. Значит, вот что чувствовал Владимир. Не любовь — или не только любовь. Вину. Стыд. Желание исправить то, что исправить нельзя. Он хотел её спасти, потому что считал себя обязанным. Потому

что она была его кровью.

И теперь он угрожал ей. Не из злости — из отчаяния. Он не мог смотреть, как она выбирает Дмитрия. Он хотел, чтобы она выбрала его. Как брата. Как семью. Как человека, который не причинит ей боли.

Она встала. Подошла к окну. На улице была тьма. Где-то далеко лаяли собаки. В доме было тихо.

Она думала о Дмитрие. О его руках, его губах, его голосе. О том, как он сказал: «Я люблю тебя». О том, как он отпустил крестьян. О том, как убил управляющего. Ради неё.

И она думала о Владимире. О его тёплых глазах, его улыбке, его желании спасти. О том, как он целовал ей руку. О том, как он донёс на Дмитрия. Ради неё.

Два мужчины. Два мира. И она — между ними. Снова.

Но теперь она знала, что делать.

Она вернулась к столу, взяла письмо Владимира и сожгла его в камине. Смотрела, как бумага скручивается, чернеет, превращается в пепел. Потом поднялась и пошла к двери.

Матрёна ждала в коридоре.

— Барышня, — начала она. — Что там?

— Ничего, — ответила Алена. — Всё как надо.

— А князь?

— Уехал. И больше не вернётся.

Матрёна перекрестилась.

— Слава Богу.

Алена не стала её разубеждать. Она поднялась к себе, накинула плащ и вышла через чёрный ход. Егорыч уже спал, но она разбудила его.

— Запрягай, — сказала она. — Едем в Воронеж. Немедленно.

— Опять? — старик крякнул. — Ночь на дворе!

— Немедленно, Егорыч. Или я пойду пешком.

Он посмотрел на её лицо и понял: спорить бесполезно.

Через полчаса повозка уже катила по тёмной дороге. Алена сидела, укутавшись в плащ, и смотрела вперёд. Она знала, что делает. Знала, что это опасно. Но иначе не могла.

В Воронеже она нашла дом Фёдора Михайловича. Тот не спал — сидел в кабинете, при свечах, над бумагами. Увидев Алену на пороге, он не удивился. Только отложил перо.

— Что случилось?

— Князь уехал. Но перед отъездом он передал мне письмо. Он знает, кто я. И угрожает рассказать всем, если я буду спасать Дмитрия.

Фёдор Михайлович помолчал.

— И что вы решили?

— Я решила, что не боюсь. Пусть рассказывает. Пусть весь свет знает, что я незаконнорожденная дочь князя. Мне плевать. Я не для того прошла через всё это, чтобы теперь отступить.

Он смотрел на неё долго. Потом кивнул.

— Хорошо. Тогда слушайте.

Он развернул на столе карту. Начал говорить — быстро, чётко, как человек, который привык командовать. Алена слушала. И понимала: игра вступает в новую фазу. И на этот раз она не будет пешкой.

Когда Алена вернулась домой, было уже утро. Она вошла в дом и остановилась. В гостиной, в кресле, сидел человек. Не князь. Не Фёдор Михайлович. Сам губернатор. В парадном мундире, с орденами. Он держал в руке письмо — то самое, которое Алена сожгла. Точнее, его копию. И смотрел на неё с холодной, вежливой улыбкой.

— Алена Дмитриевна, — произнёс он. — У меня к вам разговор. О вашем происхождении. И о графе Воронцове. Присядьте.

Глава 10. Разговор с губернатором

Губернатор Воронежской губернии, действительный статский советник Пётр Ильич Ковалёв, был человеком, которого боялись все — от мелких чиновников до богатейших помещиков. Он был не стар, но выглядел старше своих лет: сухое лицо, седые виски, холодные, внимательные глаза. Мундир сидел на нём безупречно — тёмно-зелёный, с золотым шитьём, орденами и лентой. На коленях он держал папку. На столе перед ним лежало письмо — то самое, сожжённое. Точнее, его копия.

Алена стояла в дверях, не двигаясь. Внутри всё сжалось, но она заставила себя дышать ровно. Она знала: если он увидит страх — всё пропало.

— Ваше превосходительство, — произнесла она, делая реверанс. — Я не ждала вас так рано.

— Я тоже не ждал, что мне придётся приехать, — ответил он. — Но обстоятельства требуют. Садитесь.

Она села. Не в кресло напротив, а на край скамьи у стены. Губернатор отметил это — чуть приподнял бровь, но ничего

не сказал.

— Вы знаете, кто я? — спросил он.

— Знаю. Губернатор.

— И вы знаете, зачем я здесь?

— Догадываюсь.

Он взял письмо, развернул его. Пробежал глазами — так, будто читал впервые. Хотя Алена была уверена: он знал текст наизусть.

— Это письмо князя Левашова. Владимира Левашова. В нём он утверждает, что вы — его сводная сестра. Незаконнорожденная дочь его отца, покойного князя Левашова, и дворовой девки Софьи.

Алена молчала.

— Это правда? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила она честно. — Моя мать умерла, когда мне было шесть. Я не знаю, кем она была. Я знаю только, что мой отец — тот, кто меня воспитал, — любил её.

И что он никогда не говорил о ней дурно.

— А ваш отец? Тот, кто вас воспитал. Он знал?

— Думаю, да. Он был дворянином. Он знал всё. Но он признал меня своей дочерью. Дал мне имя. Учил меня читать и писать. Он не бросил меня.

Губернатор отложил письмо. Посмотрел на неё внимательно.

— Вы понимаете, что это меняет?

— Что именно?

— Всё. Если вы — незаконнорожденная дочь князя, вы не крепостная. Вы дворянка. Пусть и без титула, без прав, но дворянка. Вас нельзя продать, нельзя выиграть в карты, нельзя удерживать силой. Вы свободны.

Алена замерла. Эти слова ударили её сильнее, чем всё остальное. Свободна. Она — свободна.

— Но есть одно «но», — продолжил губернатор. — Князь Левашов-старший умер. Его законный сын, Владимир, уехал. Он оставил письмо, в котором признаёт ваше

родство. Но он не может подтвердить его лично — он в отъезде. А без свидетелей, без документов, без признания семьи — ваше происхождение остаётся под вопросом. Вы можете быть дворянкой. А можете быть крепостной, которая выдаёт себя за дворянку. Это уже уголовное преступление.

Алена сжала руки. Она поняла, куда он клонит.

— Чего вы хотите? — спросила она.

— Я хочу знать правду. И я хочу, чтобы вы понимали: если вы дворянка, то граф Воронцов не имел права вас удерживать. Он похитил дворянку. Это уже не убийство управляющего — это похищение. Совсем другая статья. И совсем другое наказание.

— Но он не знал.

— Это неважно. Закон есть закон.

Алена смотрела на него. Внутри всё кипело. Она понимала: губернатор не злодей. Он просто чиновник. Он делает свою работу. Но от этого было не легче.

— Что вы предлагаете? — спросила она.

— Я предлагаю сделку. Вы даёте показания о том, что граф Воронцов похитил вас, удерживал силой, угрожал. Вы говорите, что он убил управляющего. И тогда я закрываю глаза на ваше происхождение. Вы получаете свободу и уезжаете. Куда хотите. С новым паспортом. С новым именем. Забываете всё, что было. И живёте спокойно.

— А если я откажусь?

— Тогда я начинаю расследование. Ваше дело. Его дело. Всё всплывёт. Князь Левашов, если вернётся, подтвердит ваше родство. Но пока он не вернулся — вы никто. Крепостная. Беглая. И тогда вам уже никто не поможет.

Алена закрыла глаза. В голове всё смешалось. Она могла спасти себя. Прямо сейчас. Одно слово — и она свободна. Уехать. Забыть. Начать заново. Но это означало предать Дмитрия. Сказать, что он похитил её. Что он убийца. Что он заслуживает тюрьмы.

Она открыла глаза.

— Нет, — сказала она.

Губернатор поднял бровь.

— Нет?

— Я не буду лгать. Граф Воронцов не похищал меня. Он выиграл меня в карты. Да, это было против моей воли. Но он не знал, кто я. И он не убивал управляющего. Я была с ним в ту ночь. Он не выходил из моей комнаты.

— Вы понимаете, что вы сейчас сказали? — голос губернатора стал жёстче. — Вы только что признались, что были с ним. Добровольно. Что вы его любовница. Это пятно на вас. На вашей чести.

— Мне плевать на честь, — ответила Алена. — Я крепостная. У меня нет чести. У меня есть только правда. И я буду её говорить.

Губернатор долго молчал. Потом закрыл папку.

— Хорошо. Я вас услышал. Но предупреждаю: если вы выступите в суде с этими показаниями, я не смогу вас защитить. Князь Левашов влиятелен. Его кузен — тоже. Они сделают всё, чтобы вас уничтожить. И тогда уже никто не спасёт ни вас, ни графа.

— Я знаю.

— Вы готовы рискнуть?

— Готова.

Он кивнул. Поднялся.

— Тогда готовьтесь. Суд через три дня. И, Алена Дмитриевна...

— Да?

— Ваш отец — тот, кто вас воспитал, — был хорошим человеком. Я знал его. Он был моим соседом по имению. Он бы гордился вами.

Он вышел. Алена осталась одна. Села на пол, прямо там, где стояла. Прижала колени к груди. И заплакала. Не от страха. От облегчения. Она сделала выбор. И теперь пути назад не было.

Через два дня, накануне суда, в дверь её комнаты постучали. Она открыла. На пороге стоял Дмитрий. Живой. Бледный, с синяком под глазом, в чужой одежде. Но живой. Он смотрел на неё, и в его глазах было всё: боль, нежность, страх, любовь.

— Как? — только и выдохнула она.

— Фёдор Михайлович, — ответил он. — Он выкупил меня. Внёс залог. Я под домашним арестом. Но я должен тебе кое-что сказать. Это важно.

Она отступила, пропуская его. Он вошёл. Закрыв дверь. И в этот момент Алена поняла: то, что он скажет, изменит всё.

Глава 11. То, что он знал

Дмитрий вошёл и остановился посреди комнаты. Он был бледен, и синяк под его левым глазом уже наливался тёмно-багровым. Рубашка на нём была чужая — серая, грубая, с чужого плеча. Сапоги стоптаны. Но глаза — те же. Серые, внимательные, живые.

Алена смотрела на него и не могла поверить. Ещё вчера он был в тюрьме. В камере с крысами и сыростью. А сегодня стоит здесь, в её комнате, и смотрит так, будто не видел её целую вечность.

— Как ты? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Лучше, чем мог бы, — ответил он. — Фёдор Михайлович внёс залог. Я под домашним арестом. Пока.

— Он мне не сказал.

— Он и мне не сказал. Просто приехал и выкупил. Я даже не успел спросить, откуда деньги.

Алена подошла к нему. Остановилась в шаге. Протянула

руку и коснулась его лица — осторожно, как будто он мог исчезнуть. Он закрыл глаза. Прижался щекой к её ладони.

— Я думал, что больше тебя не увижу, — прошептал он.

— Я тоже.

Они стояли так долго. Потом он отстранился.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Это важно. И это не может ждать.

Она нахмурилась.

— Что случилось?

— Фёдор Михайлович рассказал мне, зачем он приехал. Он знает, кто ты. Он знает о письме князя. Он знает всё.

Алена замерла.

— И что он сказал?

— Он сказал, что твоё происхождение может спасти нас обоих. Если ты дворянка — а он уверен, что ты дворянка, — то я не похититель. Я не удерживал крепостную. Я жил с

женщиной, которая свободна. Это меняет дело. Это меняет всё.

— Я знаю. Губернатор мне уже сказал.

— Он был здесь?

— Да. Вчера. Предлагал сделку. Я отказалась.

Дмитрий смотрел на неё, и в его глазах что-то дрогнуло.

— Ты отказалась? Почему?

— Потому что он хотел, чтобы я сказала, что ты меня похитил. Что ты убийца. Что ты заслуживаешь тюрьмы. Я не стала.

— Ты понимаешь, что ты натворила?

— Понимаю. Я сказала правду. Я была с тобой в ту ночь. Ты не выходил. Я свидетель.

Он покачал головой.

— Ты не понимаешь. Если ты выступишь в суде, они уничтожат тебя. Князь, его кузен, весь свет. Они сделают всё,

чтобы ты замолчала.

— Пусть попробуют.

— Алена.

— Нет, — она шагнула к нему, и в её голосе появилась сталь. — Я не буду прятаться. Я не буду молчать. Я устала бояться. Я устала быть вещью. Я хочу, чтобы все знали: я — не крепостная. Я — дочь дворянина. Пусть даже незаконно-рожденная. Пусть даже без имени. Но я свободна. И я буду говорить.

Дмитрий смотрел на неё долго. Потом вдруг улыбнулся. Криво, горько, но искренне.

— Ты самая упрямая женщина, которую я знал.

— Знаю.

— И самая смелая.

— Это ты меня научил.

Он обнял её. Крепко, так, что у неё хрустнули кости. Она прижалась к нему и слушала, как бьётся его сердце. Ровно.

Спокойно. Как у человека, который наконец вернулся домой.

Потом он отстранился.

— Есть ещё кое-что. Фёдор Михайлович сказал, что на суде будет свидетель. Тот самый кузен князя, Борис. Он хочет дать показания против тебя. Он скажет, что ты — самозванка. Что ты выдаёшь себя за дворянку, чтобы спасти любовника. Что твоя мать была обычной дворовой, а ты — крепостная, которая врёт.

— И что мне делать?

— Ничего. Просто говори правду. Фёдор Михайлович найдёт документы. Он знает, где искать. Он поднимет метрические книги. Он найдёт свидетелей. Но на это нужно время. А суд — через день.

— Что мы будем делать?

— Мы будем бороться.

Он взял её за руку.

— Вместе.

Она кивнула. Внутри было страшно. Но и легко. Впервые за долгое время — легко.

Ночью они не спали. Лежали рядом, в темноте, и говорили. О будущем. О том, что будет, если они выиграют. О том, что будет, если проиграют. О том, куда уедут. О том, как назовут детей. Он говорил о Париже — она смеялась, что он никогда там не был. Он говорил о том, что хочет купить маленький дом у моря. Она говорила, что хочет сад. Большой, с яблонями. Чтобы дети бегали по траве.

— Ты веришь, что у нас будет сад? — спросила она.

— Верю.

— Почему?

— Потому что ты — со мной. А значит, всё будет.

Она поверила. Впервые за долгое время — поверила.

Клиффхэнгер: Утром, когда они ещё спали, в дверь постучали. Алена открыла. На пороге стоял Фёдор Михайлович. Бледный. С трясущимися руками. В руке он держал бумагу.

— Что случилось? — спросила Алена.

— Князь Владимир Левашов вернулся, — произнёс он, и голос его дрогнул. — Вчера поздно вечером. И он привёз документы. Метрическую книгу. Исповедные росписи. Всё. Он подтверждает твоё происхождение. Ты — дворянка. Законно. Официально.

Алена замерла.

— Но есть проблема, — продолжил Фёдор Михайлович. — Он привёз не только документы. Он привёз признание. Он сознался в убийстве управляющего. Он говорит, что это он. И что он готов понести наказание.

Алена смотрела на него, не веря своим ушам.

— Зачем?

— Он сказал, что не может жить с этим. Что он хотел убрать Дмитрия из твоей жизни. Что он не думал, что всё зайдёт так далеко. И что теперь он хочет всё исправить. Даже если это будет стоить ему свободы.

Фёдор Михайлович помолчал.

— Суд через час. Он будет там. Он даст показания. И то-

гда Дмитрий будет свободен. А князь — сядет. Но есть одно «НО».

— Какое?

— Князь сказал, что сделает это только при одном условии. Он хочет поговорить с тобой. Наедине. Перед судом. И если ты не придёшь — он заберёт своё признание обратно.

Глава 12. Признание

Владимира привезли под конвоем.

Он сидел в комнате для допросов — маленькой, с голыми стенами и столом, привинченным к полу. На нём был тот же дорожный сюртук, но теперь он казался чужим на его осунувшейся фигуре. Лицо потемнело, осунулось, тёплые глаза потухли. Когда Алена вошла, он поднял голову. И улыбнулся. Тихо, виновато, как улыбается человек, который знает, что проиграл.

— Вы пришли, — сказал он.

— Вы просили.

— Я боялся, что не придёте.

— Я тоже боялась.

Она села напротив. Конвойный остался у двери. Владимир посмотрел на него, потом на Алёну.

— Можно нам... — начал он.

— Нельзя, — отрезал конвойный.

Владимир вздохнул. Потом наклонился вперёд, насколько позволяли скованные руки, и заговорил тихо, так, чтобы слышала только она.

— Я знаю, что вы меня ненавидите. И имеете право. Я сделал много зла. Я донёс на Воронцова. Я убил управляющего. Я хотел убрать его из вашей жизни. Я думал, что если его не будет, вы станете свободны. Что вы сможете начать заново. Со мной. Как сестра. Как семья.

— Вы убили человека.

— Да. Я убил. Я не хотел. Я пришёл к нему, чтобы заставить его уехать. Угрожал, что расскажу всем, кто вы. Он испугался. Он бросился на меня. Я схватил верёвку... Я не помню, как это случилось. Я не хотел. Я просто хотел, чтобы он исчез.

Алена молчала. Внутри всё сжалось. Она смотрела на этого человека — красивого, благородного, который говорил о любви, — и видела перед собой убийцу. Не злодея. Не чудовище. Просто сломленного человека, который запутался.

— Зачем вы признаётесь? — спросила она.

— Потому что я не могу больше. Я не могу смотреть, как вы страдаете. Я не могу знать, что из-за меня Воронцов в тюрьме. Я не могу жить с этим.

— Вы пойдёте в Сибирь.

— Знаю. И я готов.

Он помолчал. Потом сказал тише:

— Я узнал, кто вы. Нянька рассказала. Я был раздавлен. Я полюбил вас как женщину. А потом узнал, что вы — моя сестра. Я не знал, что делать. Я не мог сказать вам. Я боялся, что вы возненавидите меня. Или, хуже того, возненавидите себя.

— Я не возненавидела.

— Знаю. Теперь знаю.

Он поднял на неё глаза. В них стояли слёзы.

— Простите меня, Алена. За всё. За управляющего. За Воронцова. За то, что я не смог быть тем, кем вы хотели меня

видеть.

Алена смотрела на него. Внутри было что-то тяжёлое, горькое. Она не могла его простить. Но и ненавидеть не могла. Он был её кровью. Её братом. Частью её самой.

— Я не могу вас простить, — сказала она честно. — Пока не могу. Но я не хочу, чтобы вы гнили в Сибири.

— Я заслужил.

— Никто не заслуживает такого.

Она встала.

— Я пойду. Суд скоро.

— Алена.

Она обернулась.

— Что?

— Будьте счастливы. С ним. Я хотел для вас другого, но... он, кажется, любит вас. По-настоящему. А это дороже всего.

Она кивнула. И вышла.

Суд длился недолго.

Владимир дал показания. Сказал всё: как убил управляющего, как подставил Воронцова, как хотел убрать его из жизни Алены. Сказал спокойно, без оправданий. Судья слушал, не перебивая. Потом задал несколько вопросов. Владимир отвечал чётко, ясно. Как человек, который уже принял решение и не жалеет о нём.

Когда его уводили, он обернулся. Посмотрел на Алену. Улыбнулся. Тихо, виновато. И вышел.

Судья объявил: Владимир Левашов признан виновным в убийстве управляющего Ивана Прокофьева. Приговор: лишение дворянства, ссылка в Сибирь на поселение. Дело графа Воронцова закрыто. Все обвинения сняты.

Алена слушала и не верила. Всё закончилось. Дмитрий свободен. Она — дворянка. Князь — наказан. Но радости не было. Только пустота. И усталость.

Она вышла на улицу. Дмитрий ждал её у крыльца. Живой. Свободный. Он смотрел на неё, и в его глазах было всё: надежда, страх, любовь. Она подошла. Остановилась в шаге.

— Всё? — спросил он.

— Всё.

— Ты свободна?

— Да.

— А я?

Она улыбнулась. Впервые за долгое время — легко, искренне.

— И ты.

Он обнял её. Крепко, так, что у неё хрустнули кости. Она прижалась к нему и закрыла глаза. Где-то наверху кричали птицы. Где-то ехали телеги. Город жил своей жизнью. А они стояли посреди этого города — двое, которые прошли через ад и выжили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.